

Это была искренняя мысль Цай Сяовэнь. На самом деле она уже давно поняла, что Су Ю желает ей только добра. Рекомендую её чайник «Поросенок» принцессе и продвигая её на должность мастера официальной керамики, Су Ю рисковала тем, что её саму могут сместить. Ведь должность мастера официальной керамики всегда была одна на весь город. Цай Сяовэнь прекрасно понимала эту простую истину. Она сожалела о том, что из-за собственного упрямства так сильно сорвалась на Су Ю. Она волновалась, будет ли Су Ю обижаться, будет ли злиться, но никак не ожидала, что по-прежнему дорога ей. Сердце Цай Сяовэнь словно расцвело фейерверком, который взмыл в небо и рассыпался золотым дождем.

Радость легко заставляет потерять голову, тем более в канун Нового года, когда в небе сверкают прекрасные огни, рядом кружатся хлопья нежного снега, а коварная луна подстрекает на безумства... Цай Сяовэнь подняла руку, откинула мягкую челку Су Ю и слегка коснулась губами её лба.

— Сегодня ты так прекрасна, старшая сестра.

Су Ю и вправду выглядела очень красиво в своем новом наряде, но обычная Цай Сяовэнь никогда бы не произнесла таких слов вслух. Однако... во всем виновата луна, она сбила Цай Сяовэнь с толку, заставив искренне восхищаться той, кого она так сильно любила и уважала.

Неужели это и есть настоящий подарок судьбы для Су Ю? Однако от этого внезапного поцелуя Су Ю, напротив, протрезвела. Она отчетливо поняла, что любовь Цай Сяовэнь и её собственная — это не одно и то же. Сердце Су Ю пронзила острая боль, от которой на глаза едва не навернулись слезы. Влага в её глазах отражала золотистые искры фейерверка, словно лучи заходящего солнца, но ощущение мягкости на лбу никуда не исчезло, как и трепет, вызванный этим прикосновением.

— Старшая сестра, давай будем носить наши нефритовые подвески по-честному. Не смей больше отдавать мой нефритовый поросенок другим. И неважно, принцесса это или кто другой — даже если сам Нефритовый император, Небесная царица или Будда попросят, не отдавай!

Су Ю беззвучно рассмеялась, но от этого смеха по щеке скатилась слеза. Она поспешно смахнула её и, повернувшись, крепко обняла Цай Сяовэнь одной рукой. Другой рукой она сжала нефритового поросенка на своей шее:

— Больше никому не отдам. Буду носить всю жизнь.

В заднем дворе двое всё ещё обнимались. Таньюань стояла у развилки дорожек, ведущих к парадному входу, и, прислонившись к дереву, грызла семечки:

— Здесь горная тропа извивается... тьфу. Здесь водный путь петляет... тьфу. Здесь парни в ряд стоят... тьфу. Здесь девицы ягоды едят... тьфу... тьфу-тьфу...

Шелуха прилипла к губам, никак не сплевывалась. Фэнлин, только что закончившая убирать остатки петард и фейерверков, грациозно подошла к ней и одним взмахом руки помогла справиться с проблемой.

— Маленькая Танъюань, ну-ну...

Фэнлин не успела договорить, как Танъюань вытянула кулак и разжала ладонь, прерывая её:

— Семечки будешь?

— ...Не буду.

Фэнлин, не договорив свои «ну», почувствовала себя так, будто чих, который вот-вот должен был вырваться, застрял в носу. Она с досадой спросила:

— Что ты тут делаешь?

Танъюань раскусила семечку и кивнула в сторону заднего двора. Фэнлин посмотрела сквозь негустую пелену снега. С её места была видна лишь половина фигуры Цай Сяовэнь на скамье и бок Су Ю. Фэнлин расплылась в очень довольной улыбке и совсем тихо спросила Танъюань:

— Обнялись?

Танъюань тяжело кивнула и стряхнула с рук пустую шелуху.

— Ха-ха-ха, наша Су Ю и правда молодец! Значит, ты стоишь здесь, чтобы никто не помешал их идиллии?

Танъюань снова кивнула и указала рукой за спину Фэнлин. Обернувшись, Фэнлин увидела, как Мастер Цай с двумя маленькими кувшинами вина в руках радостно вбегает во двор. Госпожа Су, разводящая огонь в центре двора, подгоняла его:

— Быстрее, быстрее, всё уже подгорает!

Они с Мастером Цаем повторяли традицию, которой следовали еще во времена ученичества в Исине: в канун Нового года братья и сестры собирались у костра на склоне холма, пекли картошку, пили холодное вино и болтали до самого рассвета. Беззаботные дни молодости, счастливые времена.

Мастеру Цаю уже за пятьдесят, но сейчас он смеялся, как ребенок. Он поспешно сел рядом с госпожой Су и, открывая кувшин, заворчал:

— Говорю же, не торопи, моя дочь — мастер официальной керамики!

— Собрался соревноваться со мной дочерью? Моя дочь стала мастером официальной керамики еще четыре года назад!

— Ха-ха-ха... Ну, старшая сестра, держи вино.

Фэнлин обернулась к Танъюань и улыбнулась:

— Два старых ребенка наконец-то перестали ссориться.

Танъюань снова раскрыла ладонь:

— Семечки будешь?

— Нет... А где молодой господин Мэн?

— Вернулся в комнату, кажется, спит.

Танъюань жевала семечки, слегка нахмурившись. Она видела, с каким подавленным видом ходил сегодня Мэн Цзыинь. И немудрено: будучи старшим учеником, он всегда оставался в тени успехов своих младших сестер. Теперь, когда даже младшая сестра стала мастером официальной керамики, давление на него, как на старшего, наверняка возросло. Мэн Цзыинь вовсе не был бездарным, просто талант его младших сестер в гончарном деле был слишком велик — такая уж судьба... Танъюань тряхнула головой, отгоняя лишние мысли, и сосредоточилась на своем:

— Весной вернемся на родину.

Услышав это, Фэнлин очень обрадовалась и тут же заявила:

— Хорошо! Я уже коплю деньги!

В тот раз она проиграла спор и теперь добросовестно начала откладывать монеты.

Танъюань улыбнулась:

— Будем пить суп, который варит моя мама. Семечки будешь?

— Хм... теперь хочу.

Танъюань раскрыла ладонь, чтобы угостить её, но вдруг смутилась и, перебирая пальцами пустую шелуху, сказала:

— Кончились...

В этот новогодний вечер стоит вспомнить и о Хоу Чжуньэр. Хотя Ли Ацяо и бросила её в бассейн, она всё же заранее отпросилась в бане, чтобы встретить праздник дома с отцом и братьями. Благодаря тому, что она в последние дни «хваталась за соломинку», ей удалось успешно пройти проверку знаний у отца. Экзамен сдан — значит, можно спокойно встречать Новый год. Но на душе у Хоу Чжуньэр всё равно было беспокойно, словно чего-то не хватало. Чего именно — она и сама не знала. Может быть, того заботливого взгляда с вопросом: «Ты поела?», или лишней порции мясного фарша, которую ей подкладывали каждый день в обед, или просто того самого обращения «Маленькая обезьянка»... Ох, как же это мучительно.

Хоу Чжуньэр, терзаемая мыслями, пережила праздник, а на третий день не выдержала — решила, что нужно с кем-то посоветоваться. Лучше всего она ладила с Цай Сяовэнь, но та была такой чистой и наивной девушкой, что вряд ли бы поняла душевные метания зрелой женщины. Поэтому она узнала у госпожи Хоу адрес Су Ю. Она рассудила, что женщина, умеющая петь «Восемнадцать прикосновений», наверняка поймет её чувства.

По иронии судьбы, Су Ю тоже была погружена в свои невыразимые мысли. В итоге они быстро нашли общий язык, расставили на каменном столе во дворе вино и закуски и начали обсуждать дела сердечные.

Хоу Чжуньэр подробно, даже слишком подробно, описала свои переживания. Су Ю, слушая её, не удержалась и спросила:

— Бывает ли так, что когда случается что-то хорошее, ты думаешь: «Как было бы здорово, если бы она была рядом»?

— Точно-точно! — воскликнула Хоу Чжуньэр, чувствуя, что нашла родственную душу. — У меня именно такие мысли!

Су Ю кивнула. Она сама была такой. Вечером, когда она грела ноги и забиралась под теплое одеяло, ей часто хотелось, чтобы Цай Сяовэнь спала рядом. Но об этом она не могла рассказать Хоу Чжуньэр.

Хоу Чжуньэр, не зная, что на уме у Су Ю, продолжила:

— Например, я хочу спеть с ней «Старого извозчика»! Это ведь песня для дуэта.

Су Ю сначала подумала, что Хоу Чжуньэр ей под стать, но не ожидала, что её желания окажутся такими невинными. Она почувствовала легкое разочарование и спросила:

— Только петь хочешь? А не хочешь подержаться за руки, обнять за талию, погладить по волосам или коснуться щек?

— Ха-ха-ха... — рассмеялась Хоу Чжуньэр. — Ты переслушала своих «Восемнадцати прикосновений»? Зачем мне это нужно?

— ... — Су Ю приуныла. Она надеялась, что нашла человека, который разделяет её муки неразделенной любви, а в итоге осталась в одиночестве со своими терзаниями. Она разозлилась на Хоу Чжуньэр за то, что та не ценит своего счастья: — Если ты хочешь всего лишь петь, зачем пришла ко мне?! Иди и пой с ней!

— Нет-нет... дело не только в этом... — Хоу Чжуньэр не хотела рассказывать о том, что подрабатывала в персиковом лесу под чужим именем, поэтому не могла вдаваться в подробности. — Я просто хочу знать, действительно ли она беспокоится обо мне...

— А? — глаза Су Ю загорелись. Она подалась вперед, принимая вид умудренной опытом наставницы: — Рассказывай всё как есть, старшая сестра поможет тебе разобраться.

— В общем... перед Новым годом мне нужно было сделать одно дело. Оно было мне полезно. Но я хотела отдохнуть и сказала ей, что не буду этого делать. И тогда она...

— И что, что?

— Она начала изо всех сил уговаривать меня закончить. Говорила, что после праздников отдохну, а сейчас нужно поднажать. Но я настояла на своем. И тогда она...

— И что она сделала?! — Су Ю сгорала от любопытства. Она подумала: если та девушка заплакала, значит, обиделась на неблагодарность Хоу Чжуньэр. Если убежала — значит, рассердилась. А может, даже ударила Хоу Чжуньэр по лицу — ну, значит, характер такой. Других вариантов быть не могло.

— Она просто бросила меня в воду.

— ... — Су Ю лишилась дара речи. Бросить в воду... это чересчур жестоко... Нет, моя Сяовэнь всё же лучше! — Ладно, ладно, Маленькая обезьянка, давай выпьем.

Больше о грустном не говорили. В праздники можно пить без стеснения. Су Ю и Хоу Чжуньэр пили, не сдерживаясь, и вскоре их щеки покраснелись. К тому моменту, как Фэнлин принесла последнее блюдо, обе были уже изрядно пьяны.

Хоу Чжуньэр сидела на скамье, болтая ногами. Увидев Фэнлин, она застучала палочками по бокалу и громко позвала:

— Сестренка, иди сюда, обними сестру!

Су Ю с пылающим лицом глупо хихикнула:

— Обними сестру! — после чего повалилась на стол, прижимаясь горячей щекой к холодной поверхности, и сунула правую руку за пазуху, сжимая нефритового поросенка: — Старшая сестра, у меня есть деньги... я тебя прокормлю... обними сестру...

Фэнлин, не говоря ни слова, развернулась и собралась унести рыбу обратно на кухню. Оглянувшись, она с презрением бросила:

— Мерзкие развратницы!

Прошло около двух часов после обеда, когда в ворота Су постучала Цай Сяовэнь. Она была так занята: одной рукой пыталась выудить семечки из бумажного пакета, а другой — стучать в ворота. На улице было морозно, сироп на семечках застыл, и они прилипали к пальцам. Когда угощение закончилось, Цай Сяовэнь просто облизала все пять пальцев, и в этот момент ворота со скрипом открылись. Из них высунулась Фэнлин.

— Фэнлин! С Новым годом!

— Мисс Сяовэнь, с Новым годом! Пришли к нашей госпоже?

Цай Сяовэнь кивнула, шмыгнув носом:

— Ага! Сегодня третий день, надо идти поклониться Божеству Земли. Пришла позвать старшую сестру. Ох, и холодно же сегодня.

— Заходи скорее. Госпожа сегодня принимала гостей, перепила и спит.

Фэнлин впустила её, провела через двор прямо к спальне Су Ю. Порыв ледяного ветра заставил Цай Сяовэнь спрятать руки в рукава и поежиться:

— А? Какая жалость! Значит, старшая сестра не сможет пойти?

— Почему же не сможет? Как раз сможет. — Фэнлин толкнула дверь спальни и загадочно улыбнулась: — Разбуди её. А я пойду согрею воды для умывания.

Она втолкнула Цай Сяовэнь внутрь и, прикрыв дверь, ушла, тихо посмеиваясь.

Цай Сяовэнь, на которую внезапно возложили ответственную миссию, растерянно стояла посреди комнаты. Внутри было тепло — видимо, горела печь. Она посмотрела на кровать: сквозь тонкий полог было видно, что Су Ю закуталась в одеяло с головой и спит крепким сном.

Цай Сяовэнь подошла к кровати и завязала полог. Су Ю спала безмятежно, даже ресницы не дрогнули. Цай Сяовэнь протянула два пальца и начала легонько трясти Су Ю за плечо:

— Старшая сестра, старшая сестра. Вставай.

Су Ю невнятно промычала, перевернулась на спину и продолжила спать. Цай Сяовэнь, видя, что та не собирается просыпаться, не стала сдергивать одеяло, а вместо этого распахнула ворот своего зимнего халата и сунула правую руку за пазуху, к теплой нижней рубашке.

Через мгновение она вытащила руку, поправила одежду, навалилась на Су Ю и начала щипать её за щеки:

— Старшая сестра... вставай, вставай!

Оказывается, она грела руку, чтобы не напугать Су Ю холодом. Но сейчас, казалось, прохладные пальцы действовали даже лучше.

Су Ю всё не просыпалась. Цай Сяовэнь не теряла терпения, продолжая щипать её за нос, щеки и уши. Мочки ушей были такими мягкими, что она с удовольствием их разминала. Наконец, даже самый крепкий сон отступил перед таким настойчивым вниманием. Су Ю с трудом открыла глаза и увидела силуэт, навалившийся на неё, — очень похожий на Цай Сяовэнь. Ей показалось, что она спит, поэтому она пробормотала во сне:

— Сяовэнь... иди сюда, обними сестру...

Цай Сяовэнь, обрадовавшись, что та проснулась, тут же исполнила её желание и крепко обняла за шею.

«Этот сон такой реальный... до такой степени, что дышать трудно...» — смутно подумала Су Ю, и вдруг осознала, что ей действительно не хватает воздуха.

— Кхе-кхе! Кхе-кхе... А! Сяовэнь?! Отпусти... я задыхаюсь... кхе-кхе...

Цай Сяовэнь разжала руки, но всё ещё лежала сверху, улыбаясь:

— Я тебя давно звала. Вставай скорее, пойдем к Божеству Земли.

— Поклониться небу и земле... зачем?

Цай Сяовэнь со смехом ущипнула её за нос:

— Кто говорит о небе и земле? В храм Божества Земли! Сегодня третий день, забыла?

Су Ю наконец окончательно проснулась, но голова всё еще кружилась — хмель не до конца выветрился. Она хлопнула себя по лбу, чувствуя, как он болит: вот она, цена зрелости. Из-за того, что Цай Сяовэнь держала её за нос, голос звучал в нос:

— Точно... сегодня третий день, пора идти в храм... Зачем ты щипаешь меня за нос... и почему всё еще лежишь на мне... вставай... я встаю. Ох, перепила.

— Перепила? Фу-фу... — Цай Сяовэнь не встала, а, наоборот, придвинулась ближе и начала принюхиваться, как щенок: — Фу, фу-фу... это что, запах вина?

Опасность! В голове Су Ю вспыхнул сигнал тревоги, и она, подогнув ноги, одним резким движением спихнула Цай Сяовэнь с кровати:

— Не нюхай! Ты еще и петть начнешь!

<http://bllate.org/book/18936/1855608>